

ИВАН ЧАРОТА

С ПОЗИЦИИ СОВЕСТИ

Валентин Распутин и славянство

Не претендуя на то, чтобы заявленную тему осветить с надлежащей полнотой, заранее извиняюсь за вынужденную беглость и поверхностность изложения, а также прошу принять оправдательное уточнение: это попытка хоть как-то подступиться к важному и весьма непростому для осмысления вопросу, во всяком случае, обратить на него внимание.

Как славяне мы не смеем быть равнодушными к исторической судьбе славянства в прошлом, настоящем и будущем. Вот и мне, в меру моих скромных возможностей, неоднократно доводилось писать о ней. О чём, прежде всего, размышлял я, позволю себе повторить: о судьбе славянства как “феномене поразительном и провиденциально-поучительном в разных отношениях”, о “внутреннем состоянии и самосознании нашем как славян”, “о том, что должно бы называться “расславяниванием” или “деславянизацией”, о “межславянских спорах и раздорах”, о тех результатах, которые вследствие отмеченного уже проявляются в филологической науке, литературе и духовной культуре славянских народов, и о том, что нас ещё ожидает.

А продолжить раздумья помогает приснопамятный Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015), с которым я был знаком лично и имел честь выступать с пленарным докладом на посвящённой его 75-летию конференции в Иркутском университете. И сейчас, когда его уже нет в живых, как бы само о себе напоминает исключительно интересное и значимое, однако не оцененное по реальной значимости (как историософское, а не ситуативно-публицистическое) произведение, с которым он двадцать три года назад выступил, — “Что дальше, братья-славяне?”*.

Временная дистанция не только позволяет, но и побуждает разобраться, насколько высказанные тогда опасения подтвердились действительностью; к тому же это обращение так или иначе касалось и меня, белоруса, представителя народа славянского, братского, причём по отношению к русскому “единоутробного”, как определял сам Валентин Григорьевич.

Вынесенный в заголовок распутинской публикации вопрос ставился, как известно, в особых условиях, вынуждавших констатировать, что “никогда ещё славянство не было так далеко друг от друга, так друг к другу нетерпимо,

* Распутин В. Г. Что дальше, братья-славяне? // Встреча. 1992. № 9. С. 5–7. Все цитаты приводятся по публикации: Распутин В. Г. Собр. соч. в 3 т. М., “Молодая гвардия”. Т. 3. С. 388–410.

и никогда ещё, за исключением кратковременного послереволюционного периода, сама Россия не падала так в своём политическом и нравственном значении”, в прямом смысле “на пепелище” бывших СССР, ЧССР и СФРЮ, неизменно декларировавших братство и единство родственных народов. Причём Валентин Григорьевич на полную громкость озвучивал его “не для упрёков и предъявления счёта, а только для того, чтобы проследить, как это происходило, и прикинуть, пойдём ли куда-нибудь дальше”.

Всем нам, думается, понятно, что вопрос этот и в наши дни отнюдь не риторический. Более того, очевидно, что опасения подтвердились со всей определённой, а намечавшиеся тогда противоречия не сгладились, а наоборот, усугубились во всех планах. Особенно вот в этом: “В сущности, российские славяне – это один народ, народ русский, разлучённый историческими обстоятельствами в старые времена на три части и в разлуке наживший различия, давшие основание называться Малой, Белой и Великой Русью. Но – Русь, с единым телом, единой душой и сердцем, сраченность которой могли взяться проверять только враги её”. Нам остаётся лишь засвидетельствовать, что до последнего времени это единство жестоко проверяется и результаты проверки утешительными назвать нельзя.

О складывавшейся именно так ситуации Распутин говорил с болью и горечью, с тревогой за судьбу современного мира и славян в нём, что для нас в данном случае важно, хотя и не без обиды на тех “братьев-славян”, которые способствовали разломам и раздорам, но всё же так или иначе принимая давно сложившееся и историческим опытом подтверждённое мнение, что “русский вопрос есть вопрос славянский, а славянский есть вопрос русский”, поскольку “Создатель высеял нас единой горстью”.

Само собой разумеется, что к “славянскому вопросу” у Валентина Григорьевича подход “русскоцентричный”, а это значит, что и в историческом, и в актуализированном аспектах его содержание русский писатель воспринимает объективно иначе, нежели представители других, особенно западных, славянских народов. Но, опираясь в этой своей публикации на мудрые и пророческие суждения Ф. М. Достоевского, В. Г. Распутин, подобно своему великому предшественнику, постоянно учитывает как непремённый и определяющий фактор “всемирную отзывчивость” русского человека, о которой вслед за Достоевским он тоже много размышлял и неоднократно высказывался. Вот и на этот раз, последовательно трезво оценивая и “славянские грёзы”, и “славянское самоедство”, Распутин принял в качестве свыше предначертанного следующее: “Это не воля наша – быть или не быть славянином? Это наша доля, вручённый нам в рассветные времена человечества духовный надел”.

Собственно, есть все основания считать, что как раз ответственность за этот “духовный надел” предопределяет многое из того, что свойственно позиции В. Г. Распутина – писателя и гражданина. Причём то, что в его мировоззрении и художественном мироотражении концентрируется именно русское самосознание, по большому счёту, противоречий не создаёт. Ведь бесспорно, что русская составляющая до сих пор является основой и опорой славянства. Более того, как верно утверждал Валентин Григорьевич, ею объективно обуславливается и будущее: оно “будет зависеть от того, спасётся ли Россия. Не устоит она – поминай как звали славян всех вместе и каждого по отдельности”.

Не секрет, что публичные рассуждения об особой исторической роли русского народа зачастую вызывают настороженность, а то и подозрения в шовинизме, гегемонизме и т. п. Но меня-то, как этногенетически не принадлежащего к племени великорусскому, подозревать в подобном вряд ли стоит. Хотя и я, должен признаться, не смущаюсь, а скорее горжусь тем, что представляю ветвь (пусть и не так уж цветущую) от общерусского ствола и славянского корня. И мне, белорусу – не белофинну, не белоевропейцу, не белоамериканцу, и даже не белополяку – великоросс Распутин, естественно, близок. Что называется, по определению.

К тому же для меня, родившегося и воспитанного изначально в крестьянской среде, как и для выдающегося русского писателя В. Г. Распутина, уже вследствие происхождения бытийно значима и неизбежна проблема деревни... А вместе с тем она и по-особому сложна, по-настоящему болезненна. В общем, даже если бы очень хотел, я никак не способен подходить к этой проблеме отвлечённо, а тем более отчуждённо. Всё происходившее и проис-

ходящее, так или иначе, я должен оценивать с учётом опыта не только своего, но и своих предков. И только этот совокупный опыт позволяет как-то находить разрешения противоречий, особенно нравственных. Скажем, как только я настраиваюсь на лирически-ностальгическую волну и начинаю говорить о благоприятных условиях жизни в той деревне, которая всё ещё до боли дорога, сразу же (во мне самом!) отзывается скептический оппонент: “Да зачем распускать нюни?! Бросай город и возвращайся в деревню!..” Однако и при самой что ни есть критической настроенности, опять-таки, я не чувствую за собой права осуждать нынешних жителей деревни, которые эту среду обитания делают далёкой не только от идиллии, но и от всяческих идеалов. Ведь любой из оставшихся сельчан, а заодно и тот же (само)критичный alter ego, с полным правом отбреет меня: “А чего же ты, на идеалы настроенный, не остался в деревне, чтобы сохранять идиллию, делать родную деревню идеальной?”

Глубинную суть всех этих проблем отразила русская “деревенская” проза, одним из самых ярких представителей которой является В. Г. Распутин. Это ведь не просто одно из тематических направлений, а феномен мощного духовного движения. Те, кого пренебрежительно называли “писателями-деревенщиками”, – “нравственники” народные! – отразили величие народа в цепи бедственных испытаний, не скрывая правды, опровергая закрепившиеся идеологические стереотипы относительно “идиотизма сельской жизни”, утверждая вековыми традициями установленный “лад”. И тогда, когда уже новый “процесс пошёл”, “талдычили о душе, о совести”. Вообще-то, не случайно, что в русском языке (одном лишь!) понятие “крестьянин” связано с “крестом” и “Христом”. Ведь именно русский селянин особый крест несёт и по-особому Христа почитает, благодаря своей природной укоренённости-постоянности является хранителем полученных в наследие ценностей. Но поскольку не все считают столь важным вероисповедное начало, то воспользуемся более общим подходом, внимание сосредоточив на том, что пафос лучших произведений “деревенщиков” кратко можно передать словами сербской писательницы Исидоры Секулич: “Селянин – человек, озабоченный больше всех в мире”.

Впрочем, сейчас, как и в советские времена, правомерность, а тем более мудрость такого суждения бесспорна далеко не для всех. Нынешние “властители дум” сами не помнят и другим не позволяют вспоминать о том, что именно селянам, по причине их укоренённости и наименьшей социальной защищённости, особые испытания принесли войны, революции, коллективизации, индустриализации, урбанизации, фермеризации... Потому всё меньше остаётся тех, кто имеет способности (не только врождённые) воспринимать мир деревни как универсальный и самодостаточный, как оптимальный микрокосмос бытия вообще и для себя лично, как средоточие традиционных ценностей, а сельский люд – как самого ответственного хранителя и самого последовательного носителя этих ценностей. Ведь наивно полагать, что таким хранителем может быть музей, “скансен”, а хранителями его – отторгнутые от реального сельского мира музейные сотрудники.

Сказанное, понятно, более всего касается современной нашей молодёжи, не исключая писательскую и журналистскую. У неё, в основной массе, просто нет **своей родной** деревни, то есть своего дома и двора, со своей околицей и своим кладбищем, своей окружающей и постоянно волнующей природой, нет своей среды родством связанных людей и обусловленного всем этим уклада жизни, да и содержания всего ряда таких понятий, как “мать”, “матёра” тоже нет... Что поделать, нынешняя молодёжь воспитывалась, образовывалась, просвещалась уже иначе – в реальности, сложившейся не только после “прощания” дедов с дорогом для них миром, но и после пережитого отцами глобального “пожара”. Увы, для большинства этих молодых людей понятия “деревня” и все производные от него несут уже разве что негативную коннотацию. И быть как-то причастными ко всему “деревенскому”, тем паче “колхозному”, для них просто неприятно, стыдно даже. Намного приятнее выискивать (как это повально делается у белорусов) “шляхетные” родословные. Трезвомыслящие соотечественники мои реагируют на такое увлечение снисходительно: ну, пускай потешатся; это не более чем проявление возрастной закомплексованности детей сельчан!.. Но такого объяснения вряд ли достаточно. Как-никак, по-своему опасны и эти симптомы сами по

себе, а ещё более то, что наши преемники, наследники не знают и города в положительном смысле. Так что здесь уже даёт о себе знать склонность быть вполне довольными обычным средоточием хрущёвок и общежитий, лишь бы имелись неподалёку дискотеки и бары, удовлетворяющие их определённые запросы... Пожалуй, иначе и не могли проявляться результаты прежнего состояния “ни к селу, ни к городу”, давшего специфические предпосылки для нынешней “постистории”.

А это означает, что “время и бремя тревог” не в прошлом. И уже потому творчество русского писателя и мыслителя Распутина важно как для его соотечественников, так и для других народов, имеющих подобный социально-исторический опыт. В их числе, разумеется, и народы бывшего СССР и все славяне, также прошедшие испытание строительством коммунистического рая на земле. Тем паче, что Валентин Григорьевич неоднократно привлекал внимание именно к общим для славян бедам, опасностям и угрозам.

С другой стороны, практически все произведения В. Г. Распутина столь значимы оттого, что являются результатом глубоко личного и незаурядно личностного отношения к тому, о чём он писал. В любом случае, пытаюсь определить опознавательные знаки его как писателя, мы, прежде всего, выделяем то, что именно он отразил через свою собственную душу, столь отзывчивую на боль и печаль других, на неправду по отношению к народу. Следует, конечно же, должное воздать ему как личности, обладающей не только исключительно ярким даром, своеобразной художественной экстрасенсорностью и нравственной прочностью, но и непоколебимой верой в идеалы добра, а также гражданским мужеством, благодаря которому он показал, что и в условиях советского строя общественное мнение, по большому счёту, формируется не идеологами-функционерами, не партийной элитой, не послушными проводниками официоза, но псевдоинтеллектуалами от “образованщины” и, тем более, не бульварной прессой, как сейчас. Он показал и доказал, что русский писатель может, если вынужден, поправлять и чекистов, и министров. Это в значительной степени его заслуга, что русская литература во времена и “застоя”, и “перестройки” продолжала оставаться “центральной мирозерцательной силой” (В. В. Кожин), а также что “литературоцентризм” русской культуры оказался самым серьёзным оружием сопротивления^{*}.

В. Г. Распутин, своим творчеством и всей своей жизнью убедительно доказывая, что “литература – это нравственное служение”, выявляя и утверждая лучшие свойства русского человека, способствовал сохранению нравственности, духовности, здравого национально-исторического сознания не только у русских, но и у всех славян. Соответственно, есть основания говорить об универсальной распутинской системе оценок того, что со всеми нами было, что есть, что может и должно быть.

В былом Валентин Григорьевич совершенно правомерно выделял лучшее, важное и для настоящего, и для будущего. В настоящем он бескомпромиссно осуждал стирание различий между красотой и безобразием, добром и злом, правдой и обманом. О будущем размышлял всегда с тревогой, а в последние годы своей жизни – и с заметным пессимизмом. Но неизменно честно выполнял важнейшую функцию писателя-гражданина: напоминал о том, что необходимо восстановить нарушенную систему ценностей, вернуть в действие законы Божьи и по-настоящему человеческие, без которых будущее невозможно. Все оценки у него последовательно строгие, а установки – высокие: на то, что должно быть спасительным для каждого человека, любого народа и человечества в целом. Взять хотя бы, к примеру, вот эти, призванные вразумить околпачиваемых и дезориентируемых суждения: “Память – само по себе понятие скрепляющее и охранительное”^{**}; “Искусство – это праведный и чистый голос человечества в целом и каждого народа в отдельности, духовная и эстетическая побудительная высота, осуществлённая мечта человека, ухваченное перо жар-птицы и прометеев огонь человеческих исканий и побед”^{***}; “И как для экологии природы вредны грязные производства,

* Цветова Н. С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века. СПб, 2008. С. 45.

** Распутин В. Г. Жертвовать собою для правды: против беспамятства // Наш современник. 1988. № 1. С. 169.

*** Распутин В. Г. “Правая, левая где сторона?” // Наш современник. 1989. № 11. С. 140.

так и экологию языка загрязняют “фабрики” чужесловия, дурно- и тупословия, против которых вместе с охранительными законами нужна и постоянная расчистка родных истоков”*; “Потрясения рождают растерянность, а растерянный человек и Отечество, и судьбу потерять может”**.

В. Г. Распутин не принадлежит к числу писателей, творчество которых воспринимается и осваивается легко. И это в известной степени влияет на особенности его восприятия зарубежными славянами. Тем более, что миру славянскому свойственны многовековые противоречия, а в последнее время они усугубляются безоглядным стремлением едва ли не всех “братьев-славян” по отдельности как можно выгоднее обосноваться в “общем европейском доме”, который издали выглядит привлекательнее социалистического “лагеря”. А это, соответственно, стимулирует подключение к механизмам рецепции определённых стереотипов. Так, замечалась тенденция особыми акцентами выделить, что Распутин – писатель всё же советский, а при этом последовательный в консервативно-национальных убеждениях... Что ж, он действительно был противником “перестроек” – и эсэсэровской, и евросоюзовской, и глобализационно-мировой. Хотя такого рода акценты существенно влияющими на восприятие распутинского творчества в целом стать не могут как на пространстве постсоветском, так и на постсоциалистическом. Они корректируются временем, а точнее – текущими процессами глобализации, которые вынуждают трезво разобраться, что на самом деле со всеми нами было и что стало, каковы наши реальные потери и каковы приобретения в плане материальном и духовном, какие ценности на поверку оказываются истинными, а какие – ложными. И осмыслить всё это нам помогает В. Г. Распутин. Вот конкретный пример из практики филологическо-педагогической. Мне приходится искать-обсуждать со студентами наименее спорные показатели значимости литературных произведений. И обсуждение, как правило, сводится к тому, что мы условно определяем художественные тексты, годящиеся на воображаемый случай, когда представителям иной цивилизации нужно дать максимально полное представление о сути жизни того или иного времени. Так вот, в качестве универсальной метафоры всего бытия русского народа (и восточных славян в целом) конца XX века лично я называю неизменно “Прошение с Матёрой” Валентина Распутина. Правда, если прежде, ещё даже лет десять назад студенты воспринимали это с нужным разумением, то сейчас – и с недоумением. Как я уже отмечал, в результате воздействия новой реальности у них наблюдается всё меньше “чувств к отцовскому краю” и способностей адекватно реагировать на изменение традиционных устоев бытия, особенно сельской жизни. И упоминавшееся “время и бремя тревог” они, как правило, брать на себя не готовы, оставляя это Распутину да ему подобным. А молодёжи инославянских стран, ищущей себе места в глобалистском мире, такое свойственно ещё больше, чем молодым людям Беларуси и России.

Весьма интересно и важно было бы обсудить, как проблемно-тематическое, философское содержание произведений Валентина Григорьевича соотносится с опытом иностранных писателей. Хотя это аспект сложный и требующий отдельного серьёзного исследования, остановимся на некоторых моментах. В частности, нельзя не учитывать, что его творчество – своеобразная полемика с западноевропейским экзистенциализмом. Причём распутинская концепция экзистенциального, бытийного явно более содержательна и созидательна, чем та, которая распространилась и у нас благодаря писателям-экзистенциалистам Запада. Здесь, конечно же, есть, о чём подумать. Кроме того, вряд ли, по большому счёту, убедительны проводившиеся сравнения В. Распутина с У. Фолкнером и Г. Гарсиа Маркесом. Так или иначе, они всё же связаны с известными тенденциями “моды” на определённых писателей в поздний период существования СССР. Значительно больше оснований имеется для его сравнения, например, с украинцами Михайлом Стельмахом и Евгеном Гуцало, болгарами Йорданом Йовковым и Йорданом Радичковым, сербами Велько Петровичем и Добрицей Чосичем, поляками Владиславом Реймонтом и Юлианом Ковальцем, словаками Мило Урбаном и Винцентом Шиколой,

* Распутин В. Русь Сибирская, сторона Байкальская // Наш современник. 2009. № 11. С. 128.

** Распутин В. Г. Потрясения рождают растерянность... // Российская газета. 18.10.1997. С. 2.

а также, конечно, с белорусами – Иваном Мележем, Василём Быковым, Иваном Пташниковым, Виктором Козько...

В связи с избранной темой для нас особый интерес представляют восприятие творчества В. Г. Распутина в разных инославянских странах. И мы попытались собрать побольше сведений об этом. Информация наша, конечно, исчерпывающей не является, но может существенно дополнить ту, которая содержится в изданном к 75-летию юбилею указателе*. Отнюдь не ради критики – понятно, что наличествующий в этом издании объём сведений зависел от (не)доступности зарубежных источников, – всё-таки следует отметить, что на основе этого указателя невозможно составить адекватное представление о том, как воспринимает произведения В. Г. Распутина и славянский мир вообще, и каждый славянский народ в отдельности.

Особенно не повезло сербам: в указателе отмечается всего одна публикация на сербскохорватском языке, да и та – перевод рассказа, опубликованный в Черногории. На самом же деле и объём переведённого, и интенсивность освоения распутинского творчества весьма значительны. Вообще, у В. Г. Распутина к Сербии особое отношение. И у сербов к Распутину – тоже.

Это имеет объективную обусловленность: сербы, как православные славяне, прошли поистине голгофский путь испытаний, утрат и жертв, принесённых ради сохранения своей славяности и православноности. Заслуженной славой овеяна история сербского народа эпохи Средневековья: в XII–XIV веках сербы имели мощное государство; ещё в 1219 году Сербская Православная Церковь стала автокефальной; исключительно высокого уровня достигла тогда сербская культура, прежде всего, зодчество-храмостроительство, фресковая живопись, словесность... Однако не только развитие их, но и сохранение оказалось под угрозой из-за турецкого нашествия. Сербы сдержали прорыв турецких войск в Центральную и Западную Европу, а сами на пять веков оказались под османским игом. На протяжении всего этого периода они сопротивлялись, как могли, поработителям, а в начале XIX века самостоятельно подняли мощные восстания, в самоотверженной борьбе за независимость добившись-таки своего. Сербия стала значимым фактором освобождения Балкан от турецкого владычества в 1860–1870-е и в начале 1910-х годов. Не случайно именно с Сербией связаны были причины (точнее – повод) Первой мировой войны, в которой она потеряла треть населения. Несмотря на всё это, Сербия взяла на себя роль объединителя родственных народов, югославян, став опорным столпом образованного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (впоследствии переименованного в Королевство Югославия). Исключительный, по сравнению с остальными южными и западными славянами, героизм именно сербы проявили в период Второй мировой войны, оказывая мощное сопротивление фашизму, вследствие чего им довелось понести огромные жертвы, пострадав при этом не только от германских и итальянских агрессоров, но и от бывших сограждан – хорватских усташей. И особо трагичной для сербов оказалась “перестройка” мира в конце XX – начале XXI веков, когда в процессе развала СФРЮ были спровоцированы религиозно-этнические конфликты, переросшие в почти четырёхлетнюю гражданскую войну на территории Боснии и Герцеговины, когда осуществлялось массовое изгнание сербов из Краины в Хорватии, а затем произошло отторжение Косова и Метохии, ради чего в 1999 году страны НАТО провели открытую войну против так называемой “третьей Югославии”, то есть против Сербии и Черногории.

Как уже сказано, сербы во все времена проявляли беспримерный героизм в борьбе за свою независимость и честь, за право оставаться “своими на своём”. Однако результаты борьбы, даже явные победы почти всегда оказывались не на пользу им. Чтобы уточнить это, обратим внимание вот на что: у большинства народов национальная идея, а прежде всего, её фольклорное и литературное отражение, основывается и держится на осознании и восславлении собственных побед. Примеров этому можно привести сколько угодно. В частности, если сравнивать сербский народ с русским (а это сравнение, между прочим, часто навязывается “извне” для того, чтобы проще было обвинять сербов в гегемонизме), то бесспорно, что русскую идею нельзя себе представить без тех основ самосознания, которые заложены результатами

* Валентин Григорьевич Распутин. Биобиблиографический указатель... Иркутск. 2007.

и последствиями битв на поле Куликовом и поле Бородинском, на Чудском озере и на Неве, под Полтавой и под Сталинградом, без побед над татаро-монголами, германскими крестоносцами, шведами, французами, немецкими фашистами. А у сербов иначе: всемирно известные сербские эпические песни практически сплошь насыщены трагизмом; и вообще, в памяти народной более всего запечатлелись утраты, связанные с Солунским фронтом, Кордуном, Крагуевацким расстрелом и особенно поражением на Косовом поле в 1389 году, после чего настала пятисотлетняя зависимость от Османской империи... Причём, в соответствии с народными представлениями, освобождением от турок трагедия не закончилась, и Косовская битва с XIV столетия продолжается по нынешний день.

Объяснить особенности истории и самосознания сербов в принципе невозможно без учёта Косовской трагедии. Чтобы не быть голословными, обратимся к сербскому эпосу (который, подчёркнуто, исходно делится на докосовский, косовский, послекосовский циклы). В песне "Царь Лазарь выбирает Царство Небесное" мы найдём ключ для понимания самосознания сербов. Главный герой Косовской битвы получает от Богородицы предложение выбрать либо земное царство, при этом ему будет обеспечена в битве победа, а всё турецкое войско погибнет, либо Царство Небесное, при этом погибнет его войско и он сам тоже. Излагаемую в песне мотивацию судьбоносного выбора, который был сделан святым князем-мучеником (он причислен к лику святых, и мощи его пребывают в им построенном недалеко от Косова монастыре Раваница). Процитируем без перевода: "Земаљско је за малено царство, / А небеско увек и довека".

Истины ради отметим, что по поводу такого выбора сейчас доводится слышать и раздражённые оценки тех сербов, для которых "европейский выбор" представляется более значимым... Однако независимо от временных настроений и ориентаций гордостью всего народа остаётся то, что и ныне на территории вновь оккупированного края Косово и Метохия в диаметре ста километров находится более тысячи двухсот сербских православных храмов. В самосознании сербов неизменно воздействующими, знаковыми стали понятия "гробље и робље", то есть "кладбище и рабы". Но также неизменным на многие времена остаётся девиз: "Боље гроб, него роб", то есть "Лучше могила, чем рабство".

Сербский национальный характер нельзя оценивать и без такой категории, как "инат" (слово это адекватному переводу не поддаётся, а то, что оно означает, допустимо переводить словами "вопреки, наперекор, назло, по-своему"). В качестве иллюстрации возьмём также фольклорный сюжет: достославному Королевичу Марку турецкий властелин задаёт вопрос, мог ли тот стать потурченцем, дважды получает отрицательный ответ, а когда в третьем вопросе пытается выяснить крайние, исключительные условия для этого, то слышит, что "само из ината", то есть "только вопреки, наперекор условиям".

Но вернёмся к осмыслению особого удела, предназначенного сербам в конце XX века. Стереотипы, внедрённые за последнее время в массовое сознание граждан как СФРЮ, так и СССР, да и всех зарубежных стран, истинную роль Сербии в судьбоносных событиях новейшей эпохи затушевывали, а по сути – искажали. Как искажали и объективно-исторические условия сопряжённости судьбы Сербии с Россией.

А в связи с последствиями такой тотальной деформации сознания нельзя не отметить, что В. Г. Распутин всё это не упускал из виду, когда публично печатно излагал свои тревоги за судьбу славянства, совершенно правомерно её сопрягая с судьбой России, в упоминавшейся уже историософской статье "Что дальше, братья-славяне?" И "сербский фактор" он при этом постоянно держал в поле основного внимания. Напомним:

"... И меч после убийства в Сараеве пришлось обнажать – и слишком дорого стоил России этот вынутый меч" (Т. 3. С. 390);

"Если снова вернулось Средневековье с варфоломеевскими ночами и феодалной чересполосицей, а чрезмерное и силовое деление национального, народного ядра приводит к тем же результатам, что и ядра атомного; если, как никогда, славянство раздирается межрелигиозными, межнациональными, межрегиональными и прочими межами, каких немало, и если Югославия с одного конца, а Россия – с другого стали образом воюющего самого с собой славянства!" (Т. 3. С. 390-391);

“С началом освобождения балканских славян возник вопрос, вполне естественный, сам собою напрашивающийся, какова должна быть роль России и быть ли ей в последующем их мирном устройении <...> Волей-неволей она чувствовала ответственность: или не вмешивайся вовсе, или водительствуй дальше” (Т. 3. С. 397);

“Сербия с оружием в руках защищает православие против папской Хорватии” (Т. 3. С. 402-403);

“Сотни тысяч сербов во Вторую мировую войну были уничтожены за православную душу, на оставленных жить, как на евреях, нашивалась или выводилась краской буква “П” (православный), что должно было отпугивать от них, как от прокажённых. “Отрекитесь!” – требовали, ведя на пытки и казни. Не отреклись. Это свыше нас” (Т. 3. С. 408);

“После гражданской войны при исходе побеждённой России Сербия принимала отряды русских беженцев под печальный и торжественный звон православных колоколов: входите, братья, наш хлеб – ваш хлеб и наш кров – ваш кров” (Т. 3. С. 409).

А для усиления содержательности всех наших рефлексий в связи с заявленной темой и особенно для оценок, насколько выверенными были мнения В. Г. Распутина по сербскому вопросу, очень существенна вот какая констатация: навязываемые стереотипы о “великосербском гегемонизме” не имеют под собой никаких оснований, поскольку на самом деле сербы сами себя считают малым народом. Это, кстати, убедительно подтверждается уже тем, что в среде всего сербского народа, независимо от внутренних разделов и внешних конфронтаций, издавна получила широкое распространение и нашла многоплановое употребление изначально использовавшаяся черногорцами квантитативная самооценка: “Нас и русских двести миллионов!”

И ещё один посыл весьма важен в нашем разговоре: для всех, желающих иметь адекватные представления о ходе переустройства мира в конце XX – начале XXI веков, проекция на Сербию, на судьбу сербского народа даёт возможность более чётко обозначить реальное место и реальную значимость России в общем геополитическом контексте. В. Г. Распутин, надо признать, осознавал это в должной мере.

Соответственно, отнюдь не случайное “происшествие”, не просто “казус” – посещение Валентином Григорьевичем в боях рождавшейся Республики Сербской (ныне – субъекта признаваемой “мировым сообществом” Боснии и Герцеговины), то есть станы сербов, которые упорно сражались за своё право оставаться сербами, православными. Такая поездка иностранца (в условиях войны, без элементарного обеспечения безопасности и даже надёжного транспорта) уже сама по себе является мужественным поступком. И очень много пищи для размышлений – как не осведомлённым о положении дел в том уголке мира, так и весьма осведомлённым – даёт его интервью на основе непосредственных впечатлений с места событий, из “горячей точки”*.

Существеннее всего, пожалуй, та позиция, которую Распутин неизменно занимает, оценивая всё происходящее. А она предопределяется совестью – не как отвлечённой категорией, а как условием жизни в соответствии с установлениями Божьими и высокими идеалами человеческими. Здесь по-своему, предельно жестко, выверяется честность и прочность того, что Валентин Григорьевич прежде формулировал в качестве некоей общей декларации: “Так что жить по совести – это, прежде всего, найти своё место в нравственном миропорядке...”** А оказалось, что это не декларативное заявление, что автор данной формулировки действительно следует законам совести и как индивидуум, и как русский человек, старающийся “понять меру <...> отклонения”, требовательно и критично относящийся, прежде всего, к себе самому. Согласимся, дороги уже эти признания русского писателя-патриота: “В Пале нам пели народную песню из прошлого века: “Идут русские через горы”. Мы слышали её не один раз. И опять, и снова приходилось стыдливо опускать

* Распутин В. Г. Там, на Балканах. Интервью вёл К. Житов // Правда. 17-18.08.1995. С. 1-3.

** Распутин В. Г. Если по совести // Если по совести. Сборник статей. Составление В. Канунниковой. М., 1988. С. 224.

глаза. Куда теперь идут новые поколения русских?"; "Россия не просто бросила своих братьев в беду, она помогла ввергнуть их в беду...".*

В. Г. Распутин не уклоняется от самокритики, говоря о своей нации, о политике своей родной страны. Он определяет положение Российской Федерации на тот момент безо всяких обиняков и без эвфемизмов: "А поскольку российская политика раболепствует у западных держав, невольно мы ощущали себя товарищами по отверженности. Сербам трудно, очень трудно, но им в тысячу раз легче морально, потому что они свой выбор сделали и честь свою и достоинство спасли. Для народа, как и для человека, это не последнее дело"; "Ещё раньше Россия (если можно называть Россией водворившийся в ней режим) предала собственный народ, окунув его в срам и грязь чужеземных порядков, обобрав его до нитки и унизив пресмыкательством перед Западом".

И такие именно заключения закономерны, поскольку В. Г. Распутин имел возможность – "изнутри" и "снизу" – увидеть и убедиться, как далеко зашло дело утверждения новой "справедливости" на сербских землях, а также понять, как это близко типологически и его Отечеству: "В судьбах наших государств и наших народов много общего, гораздо больше, чем видно на первый взгляд. Поэтому события готовились по одному сценарию. Думаю, что они готовились не последовательно, а одновременно". А также сделать вывод: "Мы говорим: родная, близкая нам Сербия! Но и далёкая... Ибо в своём национальном сознании, в своих самоохрнительных свойствах и действиях она ушла далеко вперёд. У нас главная фигура в обществе – коммерсант, спекулянт; там – воин, защитник народа.

Мы, одна из самых богатых в мире стран, впали в бедность, растерянность, самоуничтожение... В Сербии – трудности, и огромные, но там народ единого духа. Его победить нельзя".

В связи с "сербским вопросом", для того чтобы восстановить историческую память и адекватное самосознание, Распутин обращается к формулировке мудрого предшественника:

"Помните у Тютчева в стихотворении "Славянам": "Но все же братья мы родные: // Вот, вот что ненавидят в нас! // Вам не прощается Россия, // России – не прощают вас!"

И сам убедительно аргументирует суть тютчевского вывода: "Сербия в Средневековье защитила Европу от вторжения азиатских орд с юга, Россия – с востока. Нас и за это ненавидят в Европе. Русский народ, как и сербский, попал в неволю, а с ней – в разные исторические условия, распался на несколько ветвей, которые частью изменили православия и возненавидели его".

А проницательность наблюдений и суждений Валентина Григорьевича с нынешней дистанции подтверждается развитием событий на пространстве не только бывшей СФРЮ, но и бывшего СССР. Между прочим, если описываемые им картины происходившего в Боснии, где вынужденно создана была Республика Сербская, неимоверно похожи на те, которые в последние месяцы по ТВ передают из Немочной (бывшей?) Украины... В Боснии и Герцеговине сербы отстаивали своё право жить не по указке из Вашингтона, Брюсселя и мусульманского Сараева. Но какой ценой!? И ведь расчёт с ними ещё продолжается. Хотя большинство тех героев борьбы, с которыми встречался Распутин, в частности, лидеры сопротивления и основатели Республики Сербской – её президент Радован Караджич, председатель парламента Момчило Краишник, генерал Ратко Младич и другие – уже попали под обвинение Гаагского трибунала как преступники. Такова судьба сербов сейчас, хотя и прежде, как справедливо заметил В. Распутин, "чуть-чуть недоставало до того, чтобы виновниками землетрясений объявить также сербов..."

Короче говоря, отталкиваясь от написанного В. Распутиным о сербах, следует признать, что у него выявилось вполне основательное знание истории сербского народа и его положения на то время как в метрополии, так и в соседних (бывших союзных) республиках, и в мире.

Вообще-то В. Распутин среди русских писателей и журналистов не одинок в своей озабоченности судьбой сербов. Достаточно вспомнить публикации Ю. Лощица, Т. Глушковой, Е. Бондаревой, Э. Сафонова, В. Смирнова, В. Хайрюзова, В. Юнака, В. Бушина, Н. Масленниковой, К. Мяло, Е. Пономарёвой, Ю. Юшкина и др.

* Распутин В. Г. Там, на Балканах. Интервью вёл К. Житов // Правда. 17-18.08.1995. С. 1.

Если же заниматься скрупулёзным анализом всего высказанного Валентином Григорьевичем о славянстве, то можно обнаружить, что по поводу общности истории, антропологии, этнопсихологии, духовно-культурного опыта славян он допускает частные суждения, которые вроде бы недостаточно выверены, на что не без причин обратил внимание П. П. Каминский, оценивавший содержание его статьи “Что дальше, братья-славяне?”* Отдавая должное внимательности и педантичности исследователя, нельзя не учитывать другое. А именно: ведь В. Г. Распутин вовсе не претендовал на то, чтобы с помощью этой публикации напитать как можно больше читателей требующимся объёмом строго научного знания; да и учёной дискуссии по конкретным вопросам истории славян он ни с кем тогда не вёл, даже не собирался... У него, судя по всему, иная задача. И на историю как таковую, соответственно, взгляд иной – обобщённый, пропускающий некоторые детали (в том числе и значимые при каких-то других подходах), с сознательной установкой на определённые упрощения, для того чтобы общие контуры чётче видеть самому и показать остальным.

Как нам представляется, в данном случае, используя все преимущества читателя статьи через два с лишним десятилетия после ее публикации, более адекватно и конструктивно реагировать на суждения Валентина Григорьевича в целом (то есть учитывая все его высказывания по славянской проблематике) и ставить простой вопрос: в чём же ошибался автор той резонансной статьи? И тогда, на наше разумение, не останется ничего другого, как признать, что не ошибался – таки В. Распутин, что подтвердились не только его непосредственные оценки всего происшедшего, но также и прогнозы относительно последующего развития событий, вызвавших отнюдь не шуточные межславянские распри. Как бы то ни было, а В. Г. Распутин смог пронизательно объяснить и причины, и следствия того, что произошло двадцать два года назад (кстати, подобно Ф. М. Достоевскому, на историософский опыт которого он опирался).

Что ж, дела по “перестройке” мира и далее шли своим чередом. “Перестройщики” не принимали всерьёз предостережений ни Фёдора Михайловича, ни Фёдора Ивановича, ни Валентина Григорьевича. Однако уже само по себе важно, что их голоса прозвучали и были – таки “имеющими уши” слышаны. А в голосах тех звучали боль, скорбь и тревога, но также зов соборно преодолевать опаснейший синдром безответственности по отношению и к прошлому, и к настоящему.

А главное, пожалуй, в том, что В. Г. Распутин, вслед за Ф. М. Достоевским и Ф. И. Тютчевым, неустанно побуждал избавляться от навязываемого комплекса неполноценности, служить Слову-Спасителю, а не Искусителю. Потому особенную важность имеют его суждения о роли русского народа. Потому, впрочем, простительны и некоторые преувеличения достоинств братьев-славян.

На первый взгляд, парадоксально, однако так уж получилось, что долгое время заслуги В. Г. Распутина как отечественному, так и зарубежному читателю представлялись как относящиеся к проблемам частного характера – социальным (деревня), временным (противоречия советского общества 1960–1990), а то и вовсе локальным (борьба за Байкал...). Понятно, для граждан России, СССР определённого исторического периода это были проблемы отнюдь не частные. Однако при таком подходе, особенно для взгляда “внешнего”, за отдельными деревьями не видно было леса.

Увы, творчество В. Г. Распутина выводилось за “внешние рубежи” с маркировками вышеупомянутыми. Хотя за это вряд ли стоит упрекать как искренних поклонников, популяризаторов его, так и недоброжелателей. Остаётся только сожалеть, что он не был по достоинству представлен как писатель, более многих современников сосредоточенный на глобальной проблематике, на узловых вопросах истории человечества, на универсальных законах бытия.

И всё же это не слишком отразилось на восприятии творчества В. Г. Распутина в Сербии. Общие сведения о присутствии произведений его в литературном контексте Сербии, как было уже сказано, впечатляют.

Естественно, по вопросу “Распутин и Беларусь” нельзя ограничиться всего лишь утверждением: “Валентина Григорьевича у нас вполне основательно

* Каминский П. П. “Время и бремя тревог”. Публицистика Валентина Распутина. М., 2012. С. 180–185.

знают и ценят”. А такую констатацию, в принципе верную, следует уточнить, что ранее белорусы знали его и по российским изданиям, и сами издавали как на русском (Распутин В. Повести. Минск. Беларусь. 1983; Распутин В. Повести. Минск, “Юнацтва”, 1990), так и на белорусском (Распуцін В. Жыві і помні. Аповесць / Пераклад М. Дубянецкага. Мінск, “Мастацкая літаратура”, 1982; Валянцін Распуцін. Рудольфіо / Пераклала Таццяна Мартыненка // *Рускае савецкае апавяданне. У 2 т. / Укладанне Б. Сачанкі. Т. 2. Мінск, “Мастацкая літаратура”, 1988. С. 354–367*) языках. К тому же для белорусских читателей и исследователей он неизменно был субъектом единого литературного процесса (См., например, Адамович А. *Война и деревня в современной литературе. Минск. 1982*; Гаранин Л. *Поиск духовного единства: Характер ценностных ориентаций в современной советской литературе. Минск. 1990. С. 201–202, 219*; Тычына М. *Патрэбы літаратуры // Польша. 1982. № 12. С. 209–211*). Спектакли по его произведениям ставил ряд белорусских театров. Ныне же ситуация изменилась: русские издания до нас доходят, мягко говоря, не всегда; переводы с русского языка тоже, можно сказать, почти свёрнуты; а единое литературное пространство никак не восстанавливается. . . При всём при этом, однако, часть творческой и научно-филологической интеллигенции сохранила к Валентину Григорьевичу и внимание, и почтение (См., например, Нефагина Г. *Категория свободы в творчестве В. Быкова и В. Распутина // Нефагина Г. Штрихи и пунктиры русской литературы XX века. Мн., “Белпринт”, 2008. С. 193–204*). В Беларуси о нём написан ряд кандидатских и магистерских диссертаций (Соколовская Я. *Природа и человек в современной советской прозе. МГПИ, 1983*; Крамарска Д. *Характер и обстоятельства в “деревенской” повести 60–80-х годов. МГПИ, 1991*; Шпаковский И. И. *Сюжетно-композиционная структура современного рассказа (На материале белорусской и русской прозы). ИЛ АНБ, 1996*; Капшай Н. П. *Нравственные искания в прозе В. Козько и В. Распутина. ГГУ, 1996*; Селина А. А. *Образ деревни в творчестве Й. Радичкова, В. Распутина, В. Козько. БГУ, 2009*).

В белорусской литературе, закономерно, имеется ряд произведений, типологически близких распутинским. К примеру, не случайно под одной обложкой издавались повести “Живи и помни” В. Распутина и “Знак беды” В. Быкова; не без оснований также критики сопоставляли роман В. Козько “Колесом дорога” и “Прощание с Матёрой” (См.: Горловский А. С. *Проза – 1982 (По страницам литературно-художественных журналов). М., 1983. С. 27–28*). Тем более, что Виктор Козько впоследствии, выступая в печати с анализом творчества В. Распутина, оценивал его высоко (Козько В. *Не боковым ходом // Дружба народов. 1986. № 2. С. 261–264*).

Однако творческие и человеческие взаимоотношения писателей-белорусов с В. Г. Распутиным – тема особая, деликатная. Практически все видные белорусские литераторы в своё время о творчестве русского коллеги отзывались неизменно положительно. Между тем, в условиях, которыми был вызван затронутый нами вопрос Валентина Григорьевича: “Что дальше, братья-славяне?”, отношение к нему существенно изменилось. Ибо по важнейшим актуально-политическим вопросам, в числе которых и упомянутый, у некоторых белорусов, декларировавших иные взгляды на историю бывшего единого государства, славянства и мира, явно обозначились расхождения с ним. Между тем, Валентин Григорьевич не был равнодушен и к судьбе нашей страны – посещал её в составе группы российских писателей, считавших нужным поддерживать курс Беларуси на союз с Россией. Но это, опять же, тема отдельного разговора.

А обобщая то, о чём удалось поразмышлять, считаю допустимым сделать некоторые заключения.

Во-первых, верное представление о русской литературе и общественной мысли в эпоху второй половины XX – начала XXI веков без учёта вклада В. Г. Распутина составить просто невозможно. И этим объективно задаётся уровень интереса к его творчеству в любой стране мира, а у славян особенно. И пик его, пожалуй, ещё впереди.

Во-вторых, Россия по праву может гордиться тем, что в XIX и в начале XX века подняла себя возрождению славянства; а вот чуть ли не весь XX век власти РСФСР безоглядно осуществляли деславянизацию как внутреннюю, так и внешнюю. Станет ли XXI век концентрацией русскости ради нового возрождения славянства? Для этого, спору нет, исключительно много сделано Валентином Григорьевичем Распутиным. Честь ему и слава! Вечная память!